

В. В. МОРОЗОВ

От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду (Развитие жанра и эволюция концепции)

Роль сложившегося в середине XVI в. многонационального Российского государства («царства» с 1547 г.) безусловно осознавалась в умах и книжников, и тех, кто руководил внутренней жизнью страны и ее внешней политикой, порождая требование о создании официальной истории и предлагая способности непосредственных составителей. В этих условиях отечественная культура получила непревзойденный по своему размаху историко-литературный и художественный памятник — Лицевой летописный свод (далее: ЛС).¹ Он насчитывал по меньшей мере 12 тыс. листов, украшенных более чем 20 тыс. миниатюр, общая площадь которых сопоставима, пожалуй, с росписью такого собора, как Архангельский Московского Кремля (отсюда название свода: Лицевой, т. е. иллюстрированный в лицах, с человеческими фигурами, а не украшенный лишь орнаментом).

В ЛС соединялось в единое целое изложение всемирной истории с библейских времен, истории Византии и истории Российского государства. Для осуществления такой задачи необходимо было осмысление прошлого многих народов в свете представления о богоизбранности рода «российских самодержцев», уже получившего обоснование в Степенной книге и нашедшего отражение в реальной практике — в посланиях Ивана Грозного; и сделать это нужно было исторически достоверно, опираясь на документы, а таковыми для человека XVI в. являлись прежде всего летописи. На них ссылались, обосновывая политические притязания как в объединительной политике русских земель, так и в международных отношениях. Но исторически достоверной воспринималась и «четья» литература — жития, повести, сказания, зачастую органически входившая в те же летописи как их составная часть.

Понятно, что те, кто трудился над составлением ЛС, располагали обширными материалами, но пользовались они ими и традиционно, и своеобразно: с максимально возможной тщательностью. Фрагменты протографов переписывались с большой точностью, слово в слово. Лишь изредка в местах «сшивки» текстов двух различных источников вставлялись соединительные слова, еще реже встречаются небольшие фразы свободного пересказа.²

¹ Наиболее полно историография ЛС изложена: Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 102—113; Шмидт С. О. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного // Сов. архивы. 1966. № 1. С. 31—36; № 2. С. 46—51; К loss Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 206—210; Амосов А. А. Лицевой летописный свод и библиотека Ивана Грозного // Библиотека Ивана Грозного. Л., 1982. С. 98—117.

² О методах работы составителя ЛС см.: Морозов В. В. Практическая археография книжника средневековья: (Из опыта изучения Лицевого летописного свода XVI века) // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987.

Такая тщательность характерна для всех составных частей ЛС, всех десяти его томов: Музейского сборника (содержит изложение так называемой «священной истории» от «сотворения мира» до XII в. до н. э. и Троянскую историю), Хронографического сборника (с историей древнего Востока и Древнего Рима до 70-х г. н. э.), Лицевого хронографа (с продолжением истории Рима и изложением истории Византии до X в.), Голицынского и Лаптевского томов (их листы перепутаны, содержат изложение истории «лет старых» Руси за 1114—1252 гг. с небольшими утратами, 1425—1472 гг.), двух Остермановских томов (с известиями «лет старых» за 1254—1378 гг. — в первом, 1378—1424 гг. — во втором), Шумиловского тома (с историей «лет старых» за 1425, 1472—1533 гг.), Синодального тома (далее: С) и Царственной книги (далее: Ц) (с изложением истории царствования Ивана Грозного за 1533—1567 гг.).³ Разделение единого текста на ныне существующие кодексы происходило случайно в XVII в., и названия их условны.⁴ Некоторые исследователи связывают с ЛС еще два кодекса: Егоровский сборник и Житие Николы.⁵

Тщательность работы составителей ЛС позволила выявить практически все его источники. Таковыми, по мнению исследователей, являются: для хронографической части ЛС — Еллинский летописец второй редакции, Хронограф редакции 1512 г., Толковая папая второй редакции, Троянская история Гвидо де Колумна древнейшей редакции, «История иудейской войны» Иосифа Флавия; для русской части — Никоновская (далее: НЛ) и Воскресенская третьей редакции (далее: ВЛ) летописи, Свод 1518 г., Свод 1560 г., Новгородский свод 1538 г., Степенная книга первой редакции, Летописец начала царства поздней редакции, Постниковский летописец, а также хранившиеся в Царском архиве и предназначенные для включения в продолжение официальной летописи летописные заготовки за 1560—1567 гг. в «тетрадах»,⁶ памятные записи, подобные записям И. М. Висковатого, положенные в основу второй редакции Повести о болезни Ивана Грозного в марте 1553 г.⁷ В основе некоторых приписок Ц и С предполагаются устные воспоминания редактора ЛС (порою искаженные).⁸ Для некоторых источников удалось выявить даже конкретные списки, бывшие непосредственными протографами текста: для «Истории иудейской

³ Подробное описание составных частей ЛС см.: Подобедова О. И. Миниатюры. . . С. 106—111; Амосов А. А. Лицевой летописный свод. . . С. 99—102.

⁴ Об этом см.: Протасьева Т. Н. К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи (Син. № 962) // Летописи и хроники: Сб. статей 1973 г. М., 1974. С. 271—286; Пентковский А. М., Богданов А. П. Сведения о бытовании Книги Царственной («Лицевого свода») в XVII в. Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С. 61—89.

⁵ Амосов А. А. Лицевой летописный свод. . . С. 102; Богданов А. П., Пентковский А. М. Житие Николы в Лицевом летописном своде // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 92—107.

⁶ Кратко источники ЛС описаны: Амосов А. А. Лицевой летописный свод. . . С. 113—117. Уже позднее источникам ЛС был посвящен ряд работ автора настоящей статьи: Морозов В. В. 1) О составе так называемой Царственной книги (Син. 149) // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979. С. 74—87; 2) Об одной забытой летописи: (Свод 1560 года) // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 25—33; 3) Об источниках Царственной книги: (Летописец начала царства) // Летописи и хроники: Сб. статей 1984 г. М., 1984. С. 75—87; 4) Лицевой летописный свод XVI в. и его источники: (Об одной историографической легенде) // Источниковедение отечественной истории. М., 1986. С. 128—142; 5) Об источниках Лицевого летописного свода XVI в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987.

⁷ См.: Морозов С. А. Летописные повести по истории России 30—70-х гг. XVI века: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1979. С. 14—19.

⁸ См.: Веселовский С. Б. Интерполяции так называемой Царственной книги о болезни царя Ивана 1553 г.: Исследования по истории опричнины. М. 1963. С. 278—279; Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи Ивана Грозного. М., 1984. С. 205.

войны» — Соловецкий,⁹ НЛ — Оболенского,¹⁰ Степенной книги — Чудовский,¹¹ для Еллинского летописца — список ГПБ.¹²

Известия русской части ЛС за 1114—1560 гг. (за исключением приписок редактора) можно буквально расписать в соответствии с различными источниками, опубликованными в ПСРЛ. Однако следует отметить, что даже абсолютное тождество текстов не всегда свидетельствует о прямом копировании. Порой заимствованные фрагменты источников столь причудливо переплетаются в рамках одного известия (жития, повести, сказания) ЛС, что невольно вызывают предположение о возможном составлении предварительных черновиков.¹³ Это, пожалуй, единственная разумная альтернатива заманчивой, но не всегда оправданной перспективе поисков следов разбивки текста протографа на полистные, предназначенные для перебеливания части.

ЛС, таким образом, дает исследователю уникальную возможность для изучения летописания, процесса выработки и составления летописи — ведь нам известны источники, из которых черпались сведения. Вывод, к которому мы пришли в результате изучения ЛС, этого исторического произведения 70-х—начала 80-х гг. XVI в., сводится к следующему. ЛС — это не список¹⁴ или редакция¹⁵ НЛ, как считается до сих пор, ЛС отнюдь не является лишь продолжением НЛ.¹⁶ Кроме того, помимо НЛ при подготовке ЛС использовалось еще по меньшей мере семь произведений, ныне опубликованных в ПСРЛ. ЛС — это совершенно новая летопись, возникшая в результате синтеза известий более чем десяти (только для русской части) источников. Компилятивное по форме произведение вместе с тем предстает перед читателем как новое явление своего жанра, представляющее «соединение и переработку нескольких предшествующих летописных произведений» (так Д. С. Лихачев определяет условия выработки нового памятника средневековой литературы).¹⁷

А ведь такая работа по сведению в одной летописи известий восьми предшествующих не могла быть механической (а значит, и бесцельной). Она делала ЛС «памятником, полным своеобразия и в трактовке летописного материала исторических источников, и самих исторических событий»,¹⁸ с одной стороны, и давала наиболее полный свод о прошлом Рос-

⁹ См.: Покровская В. Ф. Из истории создания Лицевого летописного свода второй половины XVI в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966. С. 5—19.

¹⁰ См.: Клосс Б. М. Никоновский свод. . . С. 43—51.

¹¹ См.: Морозов В. В. Царственная книга и Книга степенная царского родословия // Конференция по истории средневековой письменности и книги: Тез. докл. Ереван, 1977. С. 58—59.

¹² См.: Клосс Б. М. Никоновский свод. . . С. 212—213.

¹³ Морозов В. В. 1) Царственная книга и Постниковский летописец // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 61—77; 2) Об источниках Лицевого летописного свода XVI в.

¹⁴ См.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 352 (Голицынский том ЛС назван списком НЛ). Укажем на публикацию в ПСРЛ (СПб., 1901. Т. 12), где различения ЛС с НЛ приведены в подстрочных примечаниях, параллельных столбцах, приложениях и так называемом Приложении НЛ за 1558—1567 гг., опубликованном по тексту ЛС, Лебедевской и Александроневской летописей.

¹⁵ См.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 371; Лихачев Д. С. Русские летописи. . . С. 478; Клосс Б. М. Никоновский свод. . . С. 209.

¹⁶ Еще А. Е. Пресняков в своей работе «Московская историческая энциклопедия XVI века» (ИОРЯС. СПб., 1900. Т. 5, кн. 3. С. 862) отмечал, что ЛС «по многим варьянтам может быть им (спискам НЛ. — В. М.) противопоставлен и, кроме того, не знает тех отдельных известий, которыми они заканчиваются». Это же обстоятельство подчеркивает Д. Н. Альшиц в статье «Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени» (ИЗ. 1947. Т. 23. С. 255): С «отмечен особой официозностью еще до того, как к нему прикоснулась рука редактора, сделавшего приписки».

¹⁷ Лихачев Д. С. Текстология. С. 352.

¹⁸ См.: Подобедова О. И. Миниатюры. . . С. 114.

сийского государства в тесной связи с мировой историей — с другой, что и позволило А. Е. Преснякову назвать ЛС «московской исторической энциклопедией XVI века».¹⁹

Рассмотрим теперь, чем же отличается ЛС от летописей предшествующего времени и прежде всего от разделенной половиной столетия НЛ.

Летопись, как всякий другой жанр русской литературы,²⁰ развивалась вместе с изменениями той среды, где ее создавали, ею пользовались. Развивалась она и как основной носитель политической и общественной мысли. К началу XVI в. летопись из документа, дневника, «погодника» исторических фактов, систематизированного собрания исторических материалов, своеобразного архива²¹ превращается в распространенное историческое (и риторическое)²² повествование на основе активной переработки летописей предшествующего времени. Так, «Никоновская летопись решительно переделывает старые известия на новый лад, передает их не только перефразируя старый текст, но порой и снабжает их своеобразными комментариями»,²³ теряя при этом традиционную структуру. Под влиянием хронографа, ставшего одним из источников НЛ,²⁴ она размывается вставками, несущими самостоятельное внутреннее развитие и являющимися отдельными законченными произведениями — летописными повестями (житиями, сказаниями), порой откровенно баснословными, наполненными чудесами.²⁵ Чисто литературная сторона с акцентом на дидактику начинает брать верх над исторической точностью, достоверностью, фактом.

Как известно, любое произведение — публицистическое, историческое, литературное (а летопись была ими одновременно) — отражает взгляды автора. Сказались они и в НЛ, исследователь которой Б. М. Клосс даже счел необходимым подчеркнуть: «необычайно выпукло».²⁶ Составленная при митрополичьей кафедре под непосредственным руководством и при прямом участии митрополита Даниила²⁷ НЛ отразила и его взгляды: защиту имущественных интересов кафедры, проповедь гармонии «священства» и «царства», борьбу с «ересью» Максима Грека (что не мешало, однако, использовать в НЛ его переводы),²⁸ поддержку активной позиции великого князя в борьбе с Литвой за западные земли, доказательства «изначальности» власти русских князей над волжскими и камскими болгарами («иже ныне глаголются Казанцы»), представление истории Рязани в неразрывном единстве с Москвой. Все это, как отмечает Б. М. Клосс, важнейшие вопросы внутренней и внешней политики Русского государства 20-х гг. XVI в.²⁹

Но ведь НЛ по списку Оболенского доведена до 1558 г. Что же, собственно, произошло с летописью и как ее классифицировать? Пожалуй, однозначно: создание НЛ по сути дела не является единовременным актом. Ее вторая (л. 940—1166) и третья (л. 1167—1209) части с изложением событий 1520—1558 гг. приплетены и являются ничем иным как

¹⁹ Пресняков А. Е. *Московская историческая энциклопедия*. . . С. 824.

²⁰ См.: Лихачев Д. С. *Русские летописи*. . . С. 4.

²¹ Там же. С. 336.

²² Термин «риторическое распространение», по мнению Д. С. Лихачева, не совсем точен, так как «создание пространных редакций первоначально кратких литературных произведений преследовало не столько задачу риторического украшения стиля, сколько придание повествованию внутренней логики: мотивировок поступков, психологических объяснений» (*Русские летописи*. . . С. 361).

²³ Тихомиров М. Н. *Русское летописание*. М., 1979. С. 335.

²⁴ См.: Клосс Б. М. *Никоновский свод*. . . С. 157—177.

²⁵ См.: Лихачев Д. С. *Русские летописи*. . . С. 335—350.

²⁶ Клосс Б. М. *Никоновский свод*. . . С. 96.

²⁷ Там же. См. также: Клосс Б. М. *Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20-х—30-х годах XVI века и происхождение Никоновской летописи* // *Древнерусское искусство: Рукописная книга*. М., 1972. С. 318—336.

²⁸ Клосс Б. М. *Максим Грек — переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками»* // *Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник*. М., 1975. С. 55—61.

²⁹ Клосс Б. М. *Никоновский свод*. . . С. 96—102.

дополнением, продолжением, и, строго говоря, сама рукопись — конволутом, т. е. механическим соединением двух произведений: летописи митрополита Даниила 1520-х гг. и летописи, доведенной до 1558 г. (сходной с ВЛ до 1542 г. и с Летописцем начала царства — до 1556 г.). Это вторая часть — копия источника «Летописца начала царства» (в редакции, доведенной до 1556 г.),³⁰ общего для списков Оболенского и Патриаршего за 1542—1556 гг. К такой интерпретации НЛ приводят и результаты тщательно проведенного Б. М. Клоссом изучения палеографических особенностей НЛ по списку Оболенского: на л. 940 еще продолжается ранее утраченный текст (он восстановлен по Патриаршему списку(?)). Но водяные знаки бумаги л. 1—939 указывают на 20-е гг. XVI в., л. 940—1209 — на 50-е.³¹ Особенно любопытным представляется то обстоятельство, что те, кто соединял обе части списка Оболенского, не внесли каких-либо изменений в первую часть, приняв ее полностью. А ведь если бы такие изменения были, появилась бы и возможность выделить первую (Даниловскую) и вторую (Адашевскую)³² редакции НЛ.³³ Итак, в 1550-х г. переработка первой части НЛ не состоялась. Это было сделано еще двумя десятилетиями позднее.

А что же привнесли в летописание дополнения НЛ? Если рассматривать изложение событий 1520—1542 гг., то, пожалуй, ничего. НЛ и ВЛ — летописи однотипные, да и разделяет их весьма небольшой временной отрезок (напомним: первая редакция ВЛ датируется, по А. А. Шахматову, 1533 г.).³⁴ В части же 1542—1558 гг. изменения весьма значительны.

И связывать их следует с теми изменениями, которые произошли в самой структуре государственного аппарата, развитии делопроизводства, в активности внешней политики и значении внутривосточных событий. В этих условиях и возникает «летописное произведение, совместившее обе стихии — документально-приказную и хронографическую, — Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича»,³⁵ отразивший, с одной стороны, сложные перипетии русско-казанских отношений, завершившихся триумфальным въездом Ивана Грозного в Москву, с другой — напряженную социально-политическую обстановку в стране периода борьбы боярских группировок при малолетнем великом князе, вызвавшую массовые народные выступления и последовавшие затем реформы. В этих условиях изменились и масштабы деятельности приказов, и прежде всего Посольского и Разрядного, а значит — и отражение ее в летописи.

Но вместе с тем изложение некоторых событий в Летописце начала царства коренным образом меняется от традиционно принятого в летописях. Так, поход на Казань в 1552 г. описан не только подробно (указано движение полков, названы воеводы и конкретные их действия в различных условиях осады и штурма), но и мотивированно³⁶ (действия Москвы обосновываются ссылками на прошлое), документально: рассказано о совете царя с митрополитом и боярами, о прощальном напутствии царицы Анастасии, приведены послания Макария и Ивана IV. Тем самым создана крупнейшая в русской литературе повесть — Повесть о Казанском взятии.

Та же тенденция продолжена известиями 1560—1567 гг., которые, как считал А. А. Шахматов, были подготовлены для включения в ЛС: «Вряд ли

³⁰ Там же. С. 195.

³¹ К л о с с Б. М. 1) Деятельность митрополичьей книгописной мастерской. . . С. 328; 2) Никоновский свод. . . С. 193—194.

³² По мнению А. А. Зимина (Пересветов и его современники. М., 1958. С. 29—41), автором Летописца начала царства был А. Ф. Адашев.

³³ Предположение Н. П. Лихачева о возможной причастности А. Ф. Адашева к редактированию второй части НЛ по списку Оболенского (Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. 333) поддержано Б. М. Клоссом (Никоновский свод. . . С. 197—198).

³⁴ Ш а х м а т о в А. А. Обзорение русских летописных сводов. . . С. 370.

³⁵ Л и х а ч е в Д. С. Русские летописи. . . С. 362.

³⁶ Подробно об этом см.: Там же. С. 367—370.

кто согласится допустить, что Лицевой свод был официальной летописью, которая велась изо дня в день, не задаваясь литературными целями».³⁷ Особенно выделяются здесь Повесть о Полоцком взятии, композиционно сходная с повестью, посвященной взятию Казани, а также Повесть о приходе Девлет-Гирея к Рязани в 1565 г., Повесть о начале опричнины и такие документы, как благословенное послание (завещание) митрополита Макария и Утвержденная грамота о белом клобуке.

Выявляется устойчивая тенденция, определяющая основные особенности летописания XVI в. Все более обстоятельно рассказывается о деятельности великого князя (царя — с 1547 г.): поездки по монастырям, на охоту, «походы» (называются все станы на его пути), приемы послов с изложением содержания бесед (их число резко возросло с превращением Русского государства в Российское многонациональное), различные распоряжения внутригосударственного характера. Подробнее становится фиксация эпизодов военных действий: летопись отмечает посылку воевод (обязательно названы имена), взятие ими или потерю городов (с объяснением причин успеха или поражения), движение войска, применение артиллерии или инженерных сооружений, захват «полона» и т. д. (указано и имя гонца, прибывшего с вестями от воевод).³⁸

При этом активно происходит двуединый процесс: документ входит в состав повести, играя порой важную роль в ее композиции, а известие, которое прежде занимало в летописи лишь одну строку, становилось поводом для рассказа. Так, в состав Повести о Полоцком взятии вводится «память» Ивана Грозного Михаилу Темрюковичу Черкасскому: «... а говорити велелъ государь и великий князь детемъ своимъ, царевичу Ивану и царевичу Феодору» (XIII, 360).³⁹ Попадает сюда же и пропускная грамота на проезд до Москвы полоцкого воеводы Станислава Довойны и новоназначенного полоцкого епископа Арсения. Одновременно обретают подробности события малозначащие, рядовые, обыденные. Одним из них был набег Михаила Вишневецкого на «волости Черниговские и Стародубские и Ноугороцкие и Почаевские» («заставы же... украинам не было», по «ссылке» с королем Сигизмундом-Августом «на обе стороны войне не быти») в 1563 г. Сообщение об этом дополнено в летописи сведениями о посылке воевод вдогонку, пеших и «въ судехъ», о бое («и сошли его»), о захвате струга самого инициатора набеге «со всемъ его воинскимъ нарядомъ», о присылке «языков» к царю (XIII, 367). И такие известия, как уже отмечалось, обретают порой фантастический характер. Так, в мае 1558 г. загорелся осажденный русскими войсками Ругодив, воеводы воспользовались этим обстоятельством и взяли его штурмом. «А загорелся, сказывают, город: варилъ немчинъ пиво да исколотъ Николы чюдотворца образ, да тем огонь подгнечалъ, и шелъ пламень и пожегъ у всехъ дома». Вошедшие в Ругодив воеводы, конечно же, икону нацли (XIII, 295). Документальность и повествовательность, вымысел и достоверность тесно переплетаются в летописи XVI в., как бы дополняя друг друга и все более взаимопроникая.

Конечно, рассмотренная нами тенденция взаимопроникновения документального и повествовательного (хронографического) начал должна была отразиться и в ЛС. Но произошло это несколько иначе, ведь его создатели, копируя летописи предшественников, оставили за собой лишь свободу комбинирования, соединения их фрагментов.

³⁷ Шахматов А. А. Критический отзыв на работу Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» // ИОРЯС. СПб., 1899. Т. 4, кн. 4. С. 1481.

³⁸ Вероятно, здесь необходимо учитывать социальные факторы, сказывающиеся на увеличении объема информации, росте документообразования и стремлении к сохранению и целенаправленному использованию мнемонических, или регулятивных, функций документа. Об этом см.: И л и з а р о в Б. С. Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения. М., 1984. С. 53, 79—80.

³⁹ Здесь и далее ссылки на ПСРЛ даны в тексте с указанием в скобках номера тома римской цифрой и страницы — арабской.

Обратимся к описанию княжения Александра Невского в Лаптевском томе ЛС. Текст НЛ совершенно не удовлетворил составителей ЛС, и они обратились к другим источникам — Степенной книге и ВЛ, что позволило им композиционно перестроить повествование, придав ему стройность, характерную для жития святого (к середине XVI в. Житие Александра Невского уже имело длительную литературную судьбу).⁴⁰ Открывается оно Похвалой, заимствованной из Степенной книги (ср.: X, 118—119 и XXI, 279), затем следует рассказ «О брани и о победе на Неве явлением святых мученик Бориса и Глеба и аггельским помощениемъ и о шти мужехъ храбрыхъ», скомпонованный из последовательно чередующихся фрагментов НЛ и Степенной книги (ср.: X, 119—123 и XXI, 285), с включенной в него вставкой из НЛ «О Пелгуси ижеряanine» — «спдоби его богъ видети . . . Бориса и Глеба во одеждахъ червленыхъ» (X, 124). Далее начинается рассказ о Ледовом побоище, тоже скомбинированный из фрагментов НЛ и ВЛ (ср.: X, 128 и VII, 149—151). Ему предшествует своеобразный пролог, повествующий об отъезде Александра Ярославича в Переславль и «честном» его возвращении в Новгород в связи с приходом на Псков «от западныхъ страны» немцев и чуди, заимствованный из ВЛ (ср.: X, 123—125 и VII, 149). После краткого извещения о приезде Александра Невского в связи со смертью его отца из Новгорода во Владимир, аналогичного в НЛ и ЛС (X, 133—134), в Лаптевский том включен заимствованный из Степенной книги рассказ «Хождение Александрово въ Орду» (ср.: X, 134—135 и XXI, 297). Затем следуют летописные статьи, связанные с именем Александра Невского, в общем ряду погодного изложения, заимствованные из НЛ, вплоть до его смерти в ноябре 1263 г. (X, 135—143). В целом эта часть жития в ЛС композиционно сходна с так называемой Владимирской редакцией,⁴¹ однако она значительно шире и представляет собой самостоятельную редакцию ЛС, куда вошел также рассказ о пожаре во Владимире с описанием явления Александра Невского и исцеления протопопа московского Благовещенского собора Андрея, будущего митрополита Афанасия (в Шумиловском томе под 1491 г.), заимствованный из Степенной книги (ср.: XII, 229—230 и XXI, 169—170).⁴²

Комбинирование новых редакций житий, легенд, повестей, сказаний, т. е. произведений, имевших и самостоятельную литературную традицию, — характерная особенность ЛС. Так, появились на основе синтеза НЛ и ВЛ легенда о Мономаших дарах под 1114 г. (ср.: IX, 143—144 и VII, 23), повести о походе Игоря Святославича в 1185 г. (ср.: X, 12—17 и VII, 98—99),⁴³ о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г. (ср.: X, 37—41 и VII, 109—111), о Липецкой битве в 1216 г. (ср.: X, 74—77 и VII, 123—134), о битве на р. Калка в 1225 г. (ср.: X, 89—90 и VII, 129—130),⁴⁴ о Батыевой рати (ср.: X, 105—109 и VII, 139—140), о убиении Василька Константиновича 4 марта 1237 г. (ср.: X, 110—112 и VII, 141—143), о Куликовской битве (ср.: XI, 61—67 и VIII, 39—41),⁴⁵ о Московском взятии от царя Тохтамыша в 1382 г. (ср.: XI, 71—81 и VIII, 42—47), о явлении иконы Тихвинской Богоматери (ср.: XI, 83 и VIII, 48), о взятии Царьграда тур-

⁴⁰ См.: Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текста // Памятники древней письменности и искусства. [СПб.], 1913. Т. 180.

⁴¹ Там же. С. 107—126.

⁴² Там же. С. 163—165. См. также: Васенко П. Г. «Книга степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 217.

⁴³ См.: Морозов В. В. Лицевой летописный свод о походе Игоря Святославича // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38: Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. С. 520—536.

⁴⁴ См.: Романов В. К. Битва при р. Калке и ее отражение в русском летописании. (Историко-текстологическое исследование): Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1983. С. 18—19.

⁴⁵ Опубликована факсимиле полностью (Повесть о Куликовской битве: Текст и миниатюры Лицевого свода XVI века. Л., 1984) и с сокращениями (Повесть о Куликовской битве: Из Лицевого летописного свода XVI века. Л., 1980).

ками в 1453 г. (ср.: XI, 78 и VIII, 125), о пришествии Ахмата на Угру в 1480 г. (ср.: XII, 200—203, 212 и VIII, 205—207, 213), уже названное Житие Александра Невского, а также жития Стефана Пермского (ср.: XI, 164—166 и VIII, 69—70), Михаила Александровича Тверского (ср.: XI, 179—181 и VIII, 73—64), Слово о житии и преставлении Дмитрия Донского (ср.: XI, 108—121 и VIII, 53—60), Сказание о захоронениях великих и удельных князей в Архангельском соборе (ср.: XIII, 6—7 и VIII, 248).⁴⁶

Обращение к Степенной книге позволило составителям ЛС создать заново, дополнить или заимствовать для замены редакции НЛ уже готовые повести о Михаиле Черниговском и боярине его Федоре (ср.: X, 237—244 и XXI, 267—277), о походе Андрея Боголюбского на Новгород в 1171 г. (ср.: 241—244 и I, 237—239), известном по иконе «Битва новгородцев с суздальцами» («Чудо от иконы „Знамение“ в Новгороде»), походе Ивана III «ратию» на Новгород (ср.: XII, 125—142 и XXI, 530—542), о пришествии Ахмата на Угру в 1480 г. (ср.: XII, 203—212 и XXI, 557—565), о нашествии на Москву Мухаммед-Гирея в 1521 г. (ср.: XIII, 37—43 и XXI, 598—603), о чудесном рождении Ивана IV (ср.: XIII, 48—53 и XXI, 605—609), о болезни и смерти Василия III (ср.: XIII, 409—419 и XXI, 612—615),⁴⁷ а также сказания о великой княгине Евдокии, жене Дмитрия Донского (ср.: XI, 198—201 и XXI, 408—411) и об иконе Владимирской Богоматери (ср.: XI, 243—254 и XXI, 424—440).⁴⁸ Фрагменты Степенной книги вошли, как уже было отмечено, и в Житие Александра Невского. Они использовались и при создании Повести о поставлении Свияжска (ср.: XIII, 483 и XXI, 640—641), Повести о Казанском взятии (ср.: XIII, 496, 502—503 и XXI, 642—648).⁴⁹

Свод 1518 г. был использован при переработке Повести о «поезде» Ивана III в Новгород 1475—1476 гг. в составе НЛ для включения ее в ЛС (ср.: XII, 159—167; VI, 200—205 и XX, 319).⁵⁰

Столь активное обращение к повествовательной форме изложения событий прошлого составителями ЛС превратило его в самое полное из когда-либо существовавших до того собраний летописных повестей, своего рода их антологию. Вместе с тем следует подчеркнуть, что и погодные летописные статьи НЛ были в значительной мере дополнены или заменены известиями ВЛ (всего почти 200 заимствований, считая по одному на событие, хотя таких включений в одно известие, рассказ, повесть может быть несколько), Степенной книги (более 30), Свода 1518 г. и Новгородского свода 1539 г. (почти 30), Летописца начала царства (около 20 вставок в первый вариант истории царствования Ивана Грозного). Тем самым ЛС становится одновременно и «исторической энциклопедией XVI века».⁵¹ Однако решающим и по объему и в плане изменения характера создаваемой летописи является обращение к повестям.

Типичной для ЛС была переработка Повести о Куликовской битве в составе НЛ (так называемая Киприановская редакция «Сказания о Мамаевом побоище») ⁵² на основе привлечения, как полагает Л. А. Дмитриев,

⁴⁶ См.: Сизов Е. С. К вопросу о датировке Шумиловского тома Лицевого летописного свода XVI в. Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 126—140.

⁴⁷ См.: Морозов С. А. Повесть о смерти Василия III и русские летописи // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 61—77.

⁴⁸ См.: Гребенюк В. П. Лицевое «Сказание об иконе Владимирской богоматери» // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 338—363.

⁴⁹ Исследователь Повести о Казанском взятии Г. З. Кунцевич полагал, что наиболее полная ее редакция представлена в составе ЛС (Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб., 1905. С. 455—457, 545—546).

⁵⁰ См.: Морозов В. В. Об источниках Лицевого летописного свода XVI в.

⁵¹ Пресняков А. Е. Московская историческая энциклопедия. . . С. 924.

⁵² См.: Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 335—336.

пространной летописной повести,⁵³ входившей в состав ВЛ. Для включения в ЛС из ВЛ были заимствованы: Видение ангельское воинства во главе с архангелом Михаилом, святыми Георгием, Дмитрием и князьями Борисом и Глебом, «помогаючи христианом» (ср.: XI, 64 и XIII, 39), продолженное обращением Мамая «ко Орде» и описанием бегства «измайловичей» с поля боя (ср.: XI, 64 и XIII, 39); рассказы о бегстве Ягайлы («никимже гоним») (ср.: XI, 66 и VIII, 40), предательстве рязанского князя Олега («кто поехалъ з Донского побоища . . . техъ велель имати и грабити и нагихъ пущати») и приходе рязанских бояр с челобитием к великому князю Дмитрию Ивановичу (ср.: XI, 66—67 и VIII, 40—41). При этом рассказ о видении ангельского воинства вошел в ЛС дважды: на л. 95 об.—96 и 105 об. (повторный текст не иллюстрирован) второго Остермановского тома («Повесть полезна, бывшаго чудеси, егда . . . князь велики Дмитрей Ивановичъ . . . посрами и прогна . . . Мамаю» занимает л. 19—121). Еще одно включение в ЛС — слова Дмитрия Донского об Арефе — прямого текстовального сходства с какой-либо редакцией «Сказания о Мамаевом побоище» не находит.⁵⁴ Другое включение — видение «венцов», сходящих на погибших русских (XI, 64), — вовсе не встречается ни в какой иной редакции. Вероятно, если слова об Арефе в тексте «Сказания о Мамаевом побоище» подверглись редактированию создателями ЛС, то видение «венцов» сочинено ими как интерпретация фразы Повести о победе за Доном из Степенной книги: «Мнози же тогда . . . не токмо . . . бесмертныи живот получища . . . но и вьнцы мученическыми почтеньми быша» (XXI, 398).

Таким образом, вклад составителей ЛС в повесть о Куликовской битве — «Сказание о Мамаевом побоище» Киприановской редакции — сводится к уснащению ее чудесами и мотивированию победы над Мамаем («плотный дьявол») и его «присяжениками» — литовским князем Ягайлой и Олегом рязанским.

Пристрастие составителей ЛС к дидактике повествования, отличным от кратких летописных записей распространенным сюжетам, всякого рода изображению участия небесных сил в земных делах или истового служения им «героев» летописи сказывается во многих включениях из ВЛ.

Так, в ЛС появились легендарные рассказы о Мономахьих дарах, якобы обретенных Владимиром Всеволодовичем (IX, 144) и об основании Византия-Константинополя (XII, 78), об иконах Одитирии в Царьграде (X, 41—52) и Тихвинской Богоматери (XI, 83), панегирики Васильку Константиновичу (X, 165—166), Михаилу Александровичу Тверскому (XI, 177—180), Дмитрию Донскому (XI, 108—121), Стефану Пермскому (XI, 165—166), рассказы о перенесении мощей митрополитов Петра, Киприана, Фотия, Ионы в Успенский собор (XII, 192—196), о соборе на новгородских еретиков (ср.: XII, 225—227 и VIII, 220—221).

Еще в большей степени это пристрастие сказывалось на заимствованиях из Степенной книги. Отсюда в ЛС вошли легенды о спасении Новгорода от войск суздальцев заступничеством иконы (IX, 241—244) и Москвы от нашествия Темир-Аксака (Тамерлан) (XI, 249—250) с помощью Богородицы, от крымского хана Мухаммед-Гирея (XIII, 37—43) вмешательством «святительского собора», а также явно вымышленные рассказы о видении Сергия Радонежского, предзнаменовавшего рождение Василия III (XII, 190—191) и о «подвиге къ богу въ молитве» Василия III и ниспослании ему сына, будущего царя Ивана Грозного (XIII, 48—53). Пожалуй, сказанного здесь достаточно для уяснения тенденции, появившейся еще в НЛ, развитой в ВЛ и укрепившейся в ЛС (прежде всего вследствие рождения нового

⁵³ Дмитриев Л. А. Куликовская битва в древнерусских литературных памятниках // Повесть о Куликовской битве: Текст и миниатюры. . . С. 336. — Текст пространной летописной повести опубликован: Сказания и повести о Куликовской битве. . . С. 16—24.

⁵⁴ Ср.: Там же. С. 42, 97, 120 и ПСРЛ. Т. 11. С. 63.

для XVI в. жанра «исторической» литературы — Степенной книги — с его биографизмом, пронизанным аллегоричностью и художественной фантазией⁵⁵).

Составители ЛС довольно прочно усвоили биографизм нового жанра и попытались подчинить его нормам свой труд. Хотя для ЛС свойственна чрезвычайная дробность (едва ли не каждое, даже в несколько строк известие, не говоря уже о рассказе с самостоятельным сюжетом, повести или «чудесном» явлении, выделено киноварным заголовком, заимствованным в одном из источников либо данным самими составителями),⁵⁶ структурно он членится на части, которые условно можно характеризовать как своеобразные жития.⁵⁷ Во всяком случае именно такими предстают перед читателями ЛС княжения «блаженного» Андрея Боголюбского, «благоверного» Александра Невского, «благоверного, христолюбивого, благородного» Дмитрия Донского, «благородного и христолюбивого» Михаила Александровича Тверского. Вместе с тем композиционные особенности жития собственно изложению княжения Юрия Всеволодовича, Василия Дмитриевича, Василия Васильевича, Ивана III. Облечены в форму житейного повествования истории княжения Василия III (от «чудесного» рождения до освященного монашеским клобуком представления) и царствования Ивана IV Васильевича (также начинавшегося «чудесным» рождением). При этом характерно усиление аллегоризма, откровенности вымысла по мере приближения описываемых событий к времени составления ЛС.

Одним из образцов идеализации героев повествования описанием явно вымышленных событий может стать Повесть о чудесном рождении Василия III. В ней рассказывается о путешествии «помолитися» у Троицы «по благому совещанию» Ивана III и «великой княгини царевны Софии», «дабы даровал (бог. — В. М.) имъ сынове родити въ наследие царству своему», во время которого великая княгиня «близъ самыя обители . . . очиветь въ сретение грядуща священнолепна инока, его позна по образу быти преподобного чудотворца Сергия». Святой «имуща въ руке отрочо младо», что София восприняла как знак о ниспослании «наследника Русскому царствию». Вымысел явствен, поэтому автор ссылается на авторитет митрополита, а позднее — монаха Троице-Сергиева монастыря Иоасафа, от которого «сия же повесть явлена быше». Иосиф же историю эту «слыша отъ устъ у самого великого князя Василия Ивановича» (XII, 190—191).

Такого рода заимствования, привносимые в ЛС, меняли его жанровый характер, окончательно закрепляли превращение летописи-«погодника» в четью (предназначенную для чтения) книгу, собрание историй царств и княжений древних и современных, в иных странах и на Руси. Обращение к прошлому (далекому и недавнему), а порой и к современным составителям ЛС событиям, пронизанное стремлением показать их предопределенность небесными силами, споспешествующими «истинному правосла-

⁵⁵ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 98—103.

⁵⁶ Дробность ЛС обусловлена и жанровыми свойствами лицевой летописи, так как содержание миниатюр ограничено самим языком искусства графики, средствам которого практически недоступно развитие событий на сколько-нибудь длительном временном отрезке. Это можно было сделать лишь серией рисунков, последовательно отражавших различные стадии развернутого во времени события, «чтобы превратить пространство изображения во время рассказа» (Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979. С. 37).

⁵⁷ Так, О. И. Подобедова, подчеркивая, что «произвольное деление Лицевой летописи на пять дошедших до настоящего времени томов (с известиями 1114—1533 г. — В. М.) при изучении рукописи приниматься не может», предполагает возможное деление всего комплекса листов с историей «лет старых» на отдельные тома по тем листам, где повествование о начале княжения открывается строкой, выполненной вязью (см.: Подобедова О. И. Миниатюры. . . С. 113). Такими заголовками начинаются повествования о княжениях Владимира Мономаха и Всеволода Юрьевича в Киеве, Василия Васильевича — в Москве.

вию», приводит их к своеобразному «нанизыванию» чудес. Так, в преддверии взятия Казани в стане русских «видения» следуют одно за другим: апостольское воинство «благословиша градъ Казань»; «чудотворивый» Никола прорицает падение и передачу города «въ руце» Ивану Грозному; «свет необыченъ, яко великъ пожаръ, видится во граде», предвещая христианское его очищение, и наконец, слышится «отъ града Казани яко Симановскаго монастыря большаго колокола гласъ». Описание чудес следует одно за другим, и достоверность их подтверждается именами свидетелей: «Тихон, иже бысть слуга Ивана Петрова сына Головина», «некто воин нижеградец», «некто же, пресвитерский чинъ имея, . . . православнымъ царемъ, иже некогда имея духовный советъ», «и тѣй бе единъ отъ совета царева, и приведи его ко оконцю», «и самъ благочестивый царю своими царскими ушима» (XIII, 502—503). Этот «документализированный», якобы достоверный вымысел автора Степенной книги и духовника Ивана Грозного Андрея (митрополита Афанасия) активно используется составителями ЛС в описаниях двух последних его княжений. Рожденный благословением Сергия Радонежского, Василий III умирает с мыслью о пострижении («давно бо того желаю», «и тоя же нощи облекоша его во всю чернечскую одежду»). Как у святого «просвети же ся лице его, яко светъ», и уже источала благоухание смердевшая до того «тяжелым духом» рана великого князя (13, 417—418).⁵⁸

В НЛ, пожалуй, была бы невозможна похвала житию Ивана III. В 20-х гг. XVI в. она допускалась лишь в отношении святого (пусть даже местночтимого). Через 40 лет в Степенной книге «похвала» («похвала вкратце») завершает жития многих князей, отнюдь не святых.⁵⁹ Отсюда похвала переходит в жизнеописание князей ЛС.⁶⁰ В действительности далеко не блиставший качествами, приписываемыми ему летописцем, Василий III, как пытались доказать составители ЛС, всю свою жизнь «душею предъстати богу, к нему же всегда умъ свои неотлученъ имея» (XXIX, 217).

И уж совсем недопустимой для НЛ была бы легенда о рождении Ивана IV. «Преславным» становится даже само появление его на свет. «Богодарованное», оно показано по воле составителей ЛС пострадавшим Василием III и Еленой Глинской шествиями «по далечайшимъ пустынямъ». Рождение Ивана Васильевича — ответ «на молитву . . . да не погибнуть бес пастыря не точию едины Руския страны, но и вси православнии» (XIII, 49).

«Политическая легенда», как определяет такие сюжеты Д. С. Лихачев,⁶¹ к тому времени уже прочно вошла в летописание. Она была и очевидным вымыслом, и подтверждалась именами свидетелей (от рядового воина до царя). Она рассказывала о людях и небесных силах, но могла подчинить им и природу, что особенно свойственно Степенной книге.⁶² Природа и ранее порой выполняла в летописи определенную роль как аллегория судьбы или итога человеческих столкновений, жизненных коллизий, как предзнаменование вскоре случающихся событий, но активной она стала, пожалуй, лишь в ЛС. Здесь природа сама способствует «богоугодному» предпринятию Ивана Грозного — походу на Казань: «. . . и таковое многое воинство всюду яко богомъ уготованну пищу обретаху: . . . благовоннымъ овощемъ довляхуся . . . лоси яко самозванни на заколение приходяху . . . множество рыбъ ловяху . . . множество бесчисле-

⁵⁸ См.: Морозов С. А. Опыт литературоведческого анализа «Повести о болезни и смерти Василия III» // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979. С. 88—98.

⁵⁹ См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. С. 99.

⁶⁰ См.: Морозов С. А. Летописные повести. . . С. 12.

⁶¹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973. С. 131.

⁶² См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. С. 101.

ное птиць . . . сами дающіеся въ руце человекомъ на пищу». Но в постные дни «не видаху никакоже ни птиць, ни лосей» (XIII, 496).

Итак, за половину столетия, минувшую со времени создания НЛ при кафедре митрополита Даниила в конце 1520-х гг., русское летописание, ставшее по преимуществу общерусским,⁶³ претерпело серьезные изменения жанровых особенностей. Сделан был важный шаг в преодолении летописного способа изложения и переходе к связному повествованию.⁶⁴ Представляется, что такой сдвиг был вызван некоторыми концептуальными изменениями в восприятии прошлого России. В какой-то степени эта связь могла быть и обратной: новые приемы организации материала, способы его подачи, система доказательств, аргументация опосредованно влияли на концепцию или по крайней мере на ее оформление.

Но, как уже отмечалось в настоящей статье, в сознании специалистов текст ЛС представляется идентичным или весьма сходным с текстом НЛ (ЛС считается ее списком или редакцией). Поэтому для выявления концепции отечественной истории в НЛ и ЛС не остается места даже в общих курсах. Сложилась ситуация, при которой одна летопись как бы подменяет, заслоняет другую: если речь идет о НЛ, то на ЛС ссылаются как на иллюстрированную ее копию,⁶⁵ в тех же случаях, когда НЛ лишь упоминается, подробно характеризуется ее копия — ЛС.⁶⁶ Обратимся поэтому к НЛ. Общерусская летопись, одна из крупнейших и по временному охвату, и по событийной полноте, созданная при митрополичьей кафедре, она тем не менее отнюдь не настаивает на превосходстве «священства» перед «царством», но утверждает «любовь и совет великих князей с митрополитами и епископами».⁶⁷ Мало того, она настойчиво подчеркивала преемственность, а значит, и законность, «богоутвержденность» власти великих князей киевских, владимирских, московских. Имя великого князя цепочкой его предков тянется к Владимиру Святославичу: «Преставися князь велики Иван Данилович Калита, внук Александровъ, правнукъ Ярославль, праправнукъ Всеволожъ, препраправнукъ Юрья Долгорукаго, пращуръ Владимира Мономаха, прапращуръ Ярославль, препрапращуръ великого Владимира» (X, 211). Порой, однако, НЛ приписывает (или сохраняет содержание источника) великому князю такие поступки, какие мог позволить себе только человек, от которого зависит судьба митрополита: «Несмъ послалъ Пимина въ митрополиты. . . Пимина не приемлю» (XI, 40), «. . . князь велики посла въ Киевъ отца своего духовнаго Федора, игумена Симановского, по Киприана митрополита, зовя его къ себе на Москву» (XI, 41). И уж, безусловно, великий князь выступал ответственным перед «небесными силами» за целостность и единство России: «. . . отечество свое, дръжаву свою мужествомъ своимъ крепко дръжаще» (XI, 109), «. . . и тако поиде на нихъ (Иван III на новгородцев. — В. М.) князь великий, не яко на христианъ, но яко на иноязычниковъ и на отступниковъ» (XII, 132).

Отношение НЛ к Новгороду нельзя однозначно характеризовать как отрицательное, ведь это — «отчина» великого князя. Пренебрежительно отзывается летопись о новгородских посадниках и тысяцких: «. . . спроста реци, плотницы и гончары» (XII, 135), но благополучие города все-таки зависит от милости великого князя, которому бьют челом горожане «съ жалобами на свою же братию на новгородцевъ» (XII, 159), чтобы «обидимых отъ силных жалавалъ и оборонилъ» (XII, 156). Новгородцы злокозненны, «мыслили отъ великого князя Новугороду датися за короля» (XII, 164), но князь великий милостив, «всехъ посадниковъ и бояръ и тысяцкихъ

⁶³ См.: История русской литературы X—XVII веков. М., 1980. С. 300.

⁶⁴ См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. С. 269—270.

⁶⁵ Источниковедение истории СССР. М., 1973. С. 71—72.

⁶⁶ История русской литературы X—XVII веков. С. 302—304.

⁶⁷ К л о с с Б. М. Никоновский свод. . . С. 97.

... отъ себя всемъ жалование свое отъ дорогихъ портъ ... давалъ, и кони коемуждо по достоинству» (XII, 167).

Особый интерес создателей НЛ вызвала и Рязань, Рязанское княжество. Как полагает Б. М. Клосс, он продиктован стремлением «обосновать права России на земли, являвшиеся предметом спора с Литовским государством». ⁶⁸ Но следует отметить, что земли-то землями, а вот рязанские князья показаны в НЛ постоянными противниками Москвы, союзниками Орды. Так, в 1382 г. «князь Олегъ Рязаньский срете царя Тахтамышы ... и броды ему указа» (XI, 72). Поэтому и направлен гнев великого князя на Рязань: «... и огнемъ пожгоша и плениша вся», а летописец назидательно замечает: «... злее ему (Олегу. — В. М.) стало и татарския рати» (XI, 81).

Традиционно считается устойчивым и интерес НЛ к борьбе с Казанью. ⁶⁹ Действительно, взаимоотношения Москвы и Казани занимают в ней значительное место, обусловленное еще и тем, что Волжская Болгария и Казань воспринимались тогда как нечто общее, преемственное, а ссылки на «плен» Волжских Болгар еще во времена Владимира Святославича (IX, 66) должны были обосновать правомерность вхождения (или по крайней мере подчинения) в состав Российского государства, НЛ последовательно отмечает все походы русских воевод на Казань, завершившиеся возведением на ханский трон русского ставленника: «И князь великий Иванъ Васильевичъ всеа Руси царя Махметъ-Аминя изъ своей руки посадилъ на царство въ Казани» (XII, 219), «И нарекъ имъ на царство въ Казань Абдыль-Летифа царевича» (XII, 243). ⁷⁰ Отмечаются и совместные походы московских воевод, выходы московских войск в поддержку Казани при набегах на нее крымцев (XII, 228). Последнее известие НЛ (в рамках летописи митрополита Даниила), относящееся к Казани, связано с кончиной Мухаммед-Амина, о которой сообщала грамота «отъ всехъ казанскихъ людей» в 1519 г.: «... а мы холопи божии да и твои государевы; ты бы, государь, пожаловалъ, о насъ омыслилъ и о всей земле Казанской, и о господаре бы еси пожаловалъ намъ омыслилъ, как намъ впередъ быти». В ответ на эту просьбу Василий III «даетъ имъ на Казань царя Шигаляе Шихъ-Авлееарова, царевичева сына» (XII, 34), «а послалъ въ Казань царя сажати на царство князя Дмитриа Федоровича Бельского да дворецково своего Тверскаго Михаила Юрьевича да съ ними диака своего Ивана Телешева» (XII, 32). Таким образом, в НЛ русско-казанские отношения показаны стабильными на протяжении всей второй половины XV—первой четверти XVI в. Осложнения наступили лишь однажды в связи с «проступкой» Мухаммед-Амина в 1506 г. ⁷¹ Василий III вскоре «простил» его, получив «исповедь» об учиненном «лихом деле» и клятву («шертъ») «въ вечномъ миру, въ дружбе» (XII, 14, 15).

Как свидетельствует НЛ, более беспокойной была южная граница (Алексинские, Белевские, Воротынские, Козельские и Одоевские «украйны», а также Рязань и Тула), постоянно обеспокоенная необходимостью отражения набегов различных крымских «царевичей» (XIII, 6, 15, 26). Но отношения на дипломатическом уровне (между великим князем и крымским ханом) оставались спокойными: стороны регулярно обменивались посольствами, «шертными» грамотами «въ крепкой дружбе и въ братстве»

⁶⁸ Там же. С. 102.

⁶⁹ Там же. С. 100—101.

⁷⁰ Вассальные отношения Казани к Москве сохранила карта А. Дженкинсона 1562 г., отразившая чертеж московских земель 1497 г. См.: Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV—начала XVI века. М., 1974. С. 34.

⁷¹ О русско-казанских осложнениях 1505 г. см.: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 68—69.

(XIII, 6, 11, 13, 24, 33, 35). Составители НЛ как бы ощущают громадные просторы застывшего «Поля», разделявшего Москву и Крым.⁷²

Их внимание было прочно приковано к западным рубежам, где положение менялось едва ли не ежегодно. Русско-литовская граница была словно живая. Походы русских воевод на литовские города чередовались с приходами «литовских людей» на земли великого князя московского. Силой оружия города одного государя переходят к другому, и НЛ тщательно фиксирует эти изменения (XII, 234, 237—238, 252, 254, 257—258; XIII, 9, 10, 16—23, 26—27). Но вместе с тем есть обстоятельства, позволяющие понять неприятие в Москве и Литовского государства, и его великих князей (королей). Первое из них — «единачество» с Ордой в надежде на получение западных и юго-западных земель восточного соседа: «Ягайло, князь литовский . . . совокупилсѣ съ Мамаемъ на насъ» (XI, 51), «чтобы войной царь пожаловалъ, пошелъ на Московского великого князя со всею Ордою своею, а язъ отселе со всею землею своею, понеже бо многа истома земли моей отъ него» (XII, 124), «а на царя на Ахмата прииде страхъ от бога, и побеже никимже гонимъ отъ Угры по Литовской земле, по королеве державе, воюа его землю за его измену» (XII, 203). Второе — отступничество от православия, «великая нужда» держащимся «греческого закона» (XII, 252). Поэтому НЛ одобрительно отмечает переход «въ службу и съ вотчинами» удельных князей Перемышльских, Белевских, Воротыньских, Можайских, Шемякиных, Глинских (XII, 221, 234, 252; XIII, 8). Обратное же действие — уход от великого князя — трактуется как «побег» (Ф. Бельского), «преступление», «измена» (М. Глинского) (XII, 235; XIII, 24).

Непризнание составителями НЛ права княжат на съезд из Москвы для службы иному государю очевидно. Слуга московского великого князя должен оставаться таковым вечно, НЛ не принимает здесь какого-либо изменения. Так, Иван III и Василий III «жалуют» кроме приехавших удельных князей также и служилых татарских «царевичей» (XIII, 1—2, 11, 13, 28), казанских «царей» (XIII, 25), посылают войска «Литовские земли воевати за королево неисправление» (XII, 215, 240; XIII, с. 9, 15) и Ливонские «на князя местеря (магистра. — В. М.) за ихъ неисправление» (XII, 213, 240), как будто это какой-то можайский князь Иван Андреевич (XII, 109) или меньшая «братия» великого князя (XII, 212). «О миру и о любви» в Москве разговаривали с литовскими послами лишь однажды, в 1494 г., в связи со сватовством великого князя Литовского Александра к дочери Ивана III Елене (XII, 217—218). Послов же Кафинского султана в Москве чтили «велми» (XII, 250, 254), ссылались «о дружбе и любви», «о дружбе и братстве» с турецким (Царьградским) султаном (XII, 245; XIII, 17), с крымским (это уже отмечалось) и ордынским (XII, 255) «царями», «римским цесарем» (XII, 220, 222; 16, 21), датским королем (XII, 238). С Ливонией же и Швецией московский великий князь непосредственно переговоры не вел, по его «пожалованию» договоры с ними заключались архиепископом новгородским и «отчиной» великого князя — Новгородом (XII, 166; XIII, 11—12).

⁷² В июне—августе 1521 г. к Москве приходил хан Мухаммед-Гирей, опустошивший южную часть страны и уведший большой «полок» (об этом см.: З и м и н А. А. Очерки. . . С. 240—266), однако оригинальная часть НЛ заканчивается событиями весны 1520 г., и дальнейшее изложение в НЛ соответствует тексту 59-й главы ВЛ (ср.: XIII, 37—44 и VIII, 265—270), как раз и содержащей известия «о измене казанских князей» и «о приходе крымского царя Магмет Кирея». Подстрекателем набегов крымцев на Москву НЛ называет Литву: «Того же лета (1517. — В. М.) король польский Жыхдимонтъ посылалъ въ Крымъ . . . къ бесерменскимъ господаремъ . . . а велелъ ихъ наводити на христианство, на великого князя Василия украинны» (XII, 266). Но и сам Василий III «приказывалъ Мухаммед-Гирею послать «братью свою и детей своихъ, и многихъ своихъ людей съ многуо ратью» «на вопчего своего недруга на литовскаго въ лятцкую землю» (XIII, 33).

Таким образом, в НЛ отражена довольно стройная и целостная картина представлений об историческом прошлом Руси и ее взаимоотношениях с различными государствами Европы.

Главным героем истории, по НЛ, является род великих князей московских и их предков — Владимирских и Киевских, — находящийся под особым покровительством небесных сил. И пожалуй, не следует искать антимосковскую направленность (тенденцию) в тех фрагментах, где тот или иной представитель рода московских великих князей терпит неудачу. Это обстоятельство НЛ прокомментировала вполне однозначно: «...егоже бо господь любить, наказуеть» (XII, 257). Именно великие князья совершают успешные походы на «сопротивных», они выступают посредниками, пресекая оружием или улаживая переговорами, в княжеских междоусобицах, организуют сопротивление внешнему врагу («немцам» — с запада, Орде — с востока), «обновляют» русскую землю после Батыева нашествия, а позднее и собирают ее под московскими знаменами, карая «крамольников» новгородских, псковских (XIII, 12), рязанских, тверских (XII, 217) и вместе с тем оберегая «гражан» «отъ своеа силы», «чтобы ихъ не грабили» (XII, 218).

Благочестие и мудрость, твердость и смирение московских великих князей снискали, как стремится доказать НЛ, им в глазах мирян авторитет, позволяющий решать и церковные споры. Так, «великоразумный князь великий Василей Васильевич никакоже не посла възвратити его (ударившегося в бега митрополита Исидора. — В. М.), ни възхоте удръжати его, яко несмыслена и безумна и богомръзка» (XII, 43). «Повелением» великого князя проводятся и соборы на еретиков (XII, 224), и казни их (XII, 258).

Это обусловлено и преемственностью власти московских великих князей от Византии, которую составители НЛ пытались обосновать включением в нее чина венчания Дмитрия Ивановича так называемыми регалиями Владимира Мономаха — шапкой и бармами (XII, 246—248). Москва становилась центром православного мира, заняв место погибшей от «беззаконных» турок Византии. «Руси же родъ съ прежде создательными всего Измаилта победять» (XII, 97). Судьба Русского государства тесно связывалась с судьбами южных славян (в НЛ включены статьи Хронографа 1512 г. с повествованием об историческом прошлом сербов и болгар).⁷³ В соответствии с новой ролью великий князь уравнивал свой титул с царским, императорским, а потому «сносился» он с их обладателями «о братстве», «жалуя» меньших по сравнению с ним королей польского и шведского, великого князя литовского и магистра Ливонского ордена. Теперь уже Иван III не отвечает на когда-то грозное приглашение-вызов в Орду (XII, 168), он встречает ее войско «своею силою».

За половину столетия, миновавшую со времени создания летописи митрополита Даниила (л. 1—940 списка Оболенского НЛ), в соответствии с реальными территориальными изменениями переосмыслен был статус великого князя. Теперь он (как фиксируют документы, включенные в ЛС) именуется «царем» и великим князем «всея Руси», Владимирским и Московским, Новгородским, царем Казанским, Астраханским, государем и великим князем многих других земель, а также «Себирские земли и северные страны» повелителем (XIII, с. 310, 363). Отказ от упоминания царского титула со стороны иных государей в Москве воспринимается уже как «бесчестье» (XIII, 340).

Инициативу венчания «на царство» ЛС (вслед за Постниковским летописцем) приписывает Ивану Грозному:⁷⁴ «...хочю язъ ... поискати

⁷³ См.: Творогов О. В. О составе и источниках хронографических статей Лицевого свода // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28; Исследования по истории русской литературы XI—XVII вв. С. 353—364; Клосс Б. М. Никоновский свод... С. 169.

⁷⁴ См.: Морозов В. В. Царственная книга и Постниковский летописец. С. 78—86.

прежних своих прародителей чиновъ» (XIII, 450); «и велелъ въ церкви чинъ устроить» (XIII, 451). Венчается Иван IV теми же регалиями, что и Дмитрий-внук, но греческое их происхождение подкрепляется еще и легендой о добровольности дара: «...прислалъ царь Константинъ Маномахъ на поставление великимъ княземъ русскимъ» (XIII, 451). В ЛС акцентируется передача регалий самим императором Византии, тогда как даже в Летописце начала царства речь шла о получении их «по благословению патриарха Цареградского и по молению греческого царя Константина Маномаха» (XIII, 150). «Посылает . . . къ великому князю (Владимиру Всеволодовичу. — В. М.) венець царский» и другие дары Константин Мономах также в особом изложении Легенды о Мономахских дарах в ЛС под 1114 г. (IX, 144). ЛС прочно связывает «царские» регалии с Византией, чего НЛ еще не знала,⁷⁵ открывая тему преемственности Константинополя и Москвы как мирового центра, средоточия «истинного православия»: «...да нарицаешия отселе боговенчаннѣй царь» (IX, 144). Тем самым уже с первых листов русской части ЛС изложение истории Руси рассматривалось как повествование о пути «божественного промысла» к своим наиболее верным и последовательным приверженцам, а в исторических аналогиях, в обращении к прошлому делалась попытка обоснования сложившейся в третьей четверти XVI в. реальности и высокого предназначения Российского государства. Последнее обстоятельство почти столетие назад уже было отмечено А. Е. Пресняковым: «Он (ЛС. — В. М.) возник в эпоху, когда Московская Русь, упоенная высоким положением, какого достигла — по крайней мере в сознании своих государственных людей и своих книжников — под властью Грозного царя, подводила итоги своим историческим воспоминаниям, ища в них оправдания притязаниям, шедшим так далеко. . .».⁷⁶

Составители ЛС, по-своему интерпретируя прошлое «государства Российского царствия», немало потрудились, чтобы доказать предопределенность его исторического восхождения, обусловленную споспешествованием небесных сил, и вечность, незыблемость его побед на предначертанном свыше пути. Главным же аргументом должна была стать идея «богоизбранности» «царства», персонифицированного в роде его государей.

Сформулирована она была в 60-х гг. XVI в. создателями Степенной книги, задача которой состояла в том, чтобы «представить историю как государственный парад, внушающий читателю благочестивый страх и веру в незыблемость и мудрость государства».⁷⁷ Эта же идея лежала в основе фресок «портретного» цикла Архангельского собора Московского Кремля.⁷⁸ Ей подчинена внутренняя структура ЛС: членение на жития-княжения, особенно в части, относящейся к московской ветви от Александра Невского до Ивана Грозного.

Руководствуясь идеей об особой роли Российского государства, составители ЛС перекраивали исходный материал НЛ. Так, повествование о периоде феодальной раздробленности дополнено было рассказами о междоусобных «бранях», «крамолах» удельных князей (IX, 191—194, 238—239, 254; X, 14, 24—36, 52—55, 59—60, 63—64, 74—77), но особое место здесь занимают рязанские князья, в стремлении «брать брата убити»

⁷⁵ Рассказ о походе воевод Владимира Мономаха во Фракию и о присылке ему царских регалий из Византии в НЛ отсутствует. В ЛС он заимствован из ВЛ (ср.: IX, 144 и VII, 22). Созданное в 1510—1520-х гг. сочинение Спиридона-Саввы, содержащее Легенду о Мономахских дарах, позднее было включено в состав ВЛ (см.: Д м и т р и е в а Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955). Крестом, который был «присланъ изъ Царяграда отъ царя Константина Маномаха», благословляя, по Ц, умиравший Василий III своего сына — будущего царя Ивана Грозного (XIII, 415).

⁷⁶ Пресняков А. Е. Московская историческая энциклопедия. С. 824.

⁷⁷ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. С. 136.

⁷⁸ См.: С и з о в Е. С. Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI века // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 271.

сеявшие «крамолу» в своей земле (X, 14). Привлекает их внимание Москва, окрестности которой они начали «воевати» еще в 1216 г. (X, 61).

Этим же целям подчинена Повесть о походе Игоря Святославича в 1185 г. в редакции ЛС, нарочито преувеличивающей бедствия, причиненные необдуманным «величанием своим» младших князей, затеявших поход без ведома и вопреки намерениям великого князя. Осуждение действий северских князей составителями ЛС недвусмысленно: Ольговичи мечтают, разбив половцев, дойти «и до лукоморья», но «сиа же глаголюще, а строения божия не ведуще» (X, 13).

Другим препятствием утверждению «строения» являются, по мнению составителей ЛС, новгородцы, которые «зыша великую милость прежнихъ великихъ князей . . . въ самочиние уклонишася» (IX, 244). В ЛС даже поражение великого князя, такое как разгром войска Андрея Боголюбского у стен Новгорода в 1171 г., становится поводом для морализаторских сентенций: «. . .наведе на нихъ богъ казнь сию, и смири ихъ до зела рукою великаго князя Андрея» (IX, 244). При выборе (из НЛ и ВЛ) версии для включения известия в ЛС его составители останавливаются на той, где новгородцы проявляют себя как подданные великого князя, а не граждане свободной в своих действиях республики. Так, под 1200 г. в ЛС рассказывается о приходе «лучшихъ людей» Новгорода «съ челобитиемъ и съ молбою и з дары» к Всеволоду Юрьевичу, «глаголюще: отчина твоя и дедина Новгородъ Великий просятъ у тебя сына княжить». Эта версия заимствована из ВЛ (ср.: X, 32 и VII, 107) взамен отвергнутого рассказа НЛ, по которому новгородцы «послаша . . . лучшихъ людей къ великому князю Всеволоду Юрьевичу, сыну Долгорукого, просяще у него сына княжити» (X, 32).

На изменение старых обычаев, «прежнихъ князей уставов» подстрекают новгородцев удельные князья, в частности Мстислав Мстиславич (под 1210 г.). И лишь полки великого князя, как пытаются доказать составители ЛС, заставляют Новгород «убояться». Между тем в НЛ утверждалось, что новгородцы смирились по увещанию великого князя (ср.: X, 61 и VII, 116). От другого преступления новгородцев — «къ латынству чрезъ крестное целование» переход — пытается спасти митрополит Филипп, который «не единою посылая отъ себя къ нимъ въ Великий Новгородъ поучение отъ святыхъ писаний» (XII, 127). И дабы Новгород «не отступил», великий князь идет на него «ратию», призывая на помощь всех святых покровителей от архистратига небесных сил Михаила до «своихъ сродниковъ» (XII, 130—131). «Лжуще и неправду деюще» пытаются избежать кары, однако «окаяннии изменницы» не в силах устоять против «правды государя своего» и, по проречению Зосимы Соловецкого (его нет в НЛ), новгородские посадники казнены «главною казнию» (XII, 134—138; см. также: XXI, 540). Для Повести о походе Ивана III «ратию» на Новгород в редакции ЛС характерно активное участие небесных сил в земных делах на стороне московского великого князя. В свою очередь описание торжественного приема Ивана III во время «поезда» в 1475—1476 гг., богатых «поминок», даров должно было показать смирение Новгорода (только описание встреч и обедов, привнесенных в ЛС сверх текста НЛ, занимает л. 119—131, 144—153 Шумиловского тома).

Таким образом, род московских государей показан в ЛС ревнителем единства Российского государства, собирателем «богомъ дарованного ему отечества» (XII, 140), преодолевающим порой и «отступление» младших его ветвей (ср.: XII, 197 и VIII, 204). Последним по времени подвигом на этом пути было возвращение Ивана IV в «искони-извечную его вотчину . . . Вифляндскую землю» (XIII, 346).

Что касается взаимоотношений с иными государями, то и здесь концепция НЛ претерпела существенные изменения при подготовке текста ЛС. Обоснованием ее в отношении ближайших соседей служили все те же ссылки на прошлое или принадлежность к другой, нежели православие,

форме вероисповедания. Борьба за восстановление «начальнейшаго отечества» и погашение «огня безбожия» почитаются высшей благодатью. Российское государство, род его «самодержцев» в лице Василия III уподобляются в ЛС саламандре — животному, «иже своим естеством огонь погашаетъ, оно же невреждено пребываетъ. Также и сий самодержавный государь Василий огонь безбожия погашаетъ» (XXIX, 217).

Изменения, привнесенные составителями ЛС в НЛ, продиктованы двумя важнейшими событиями царствования Ивана Грозного — взятием Казани и Ливонской войной. Первое из них является темой Повести о Казанском взятии в составе Летописца начала царства, второе — текста ЛС за 1558—1567 гг. с вошедшей в него Повестью о Полоцком взятии.

Тема Казани уже в первом (поход Всеволода Юрьевича на болгар под 1184 г.) дошедшем до нас заимствовании в ЛС из ВЛ связана с спешествованием небесных сил русскому воинству: «... болгары, божиею помощию и пречистыа богородицы устрашени быша, побегоша, и никому же гонящу ихъ, точию гневомъ божиймъ гоними» (ср.: X, 10 и VII, 87). «Безбожнии болгары», конечно же, не могут одолеть полки русских князей (ср.: X, 83—86 и VII, 126—128). В ЛС даже принята версия ВЛ о неизвестном происхождении («бысть же сый иного языка не русскаго») мученика Авраамия, казненного болгарами («усечень бысть») за приверженность православию «неуклонномъ разумомъ исповедающе Христа... а Бахмита проклинаяще и веру ихъ болгарскую»), тогда как в НЛ утверждается, что «убиень бысть некий боголюбець христианинъ болгаринъ Авраамий» (ср.: X, 97 и VII, 185). С приходом Батыев болгары исчезают из текста ЛС (как, впрочем, НЛ и ВЛ). «Безбожными» болгарами овладели «бесермены» татары. И «просвещение» земле христианством могло прийти лишь из Москвы. Казань появляется в ЛС впервые под 1391 г. как объект набега новгородцев и устюжан в известии, заимствованном из НЛ (XI, 126). Затем, после известий 1396 и 1399 г. о взаимных походах русских и казанцев (XII, 163—164, 171), сообщается о посылке «царемъ казанскимъ Мамутикомъ «всехъ князей своихъ со мною силою» на «отчину» Василия Васильевича в 1448 г. В ответ великий князь «посла противу нихъ воинство свое». Этим известием, заимствованным из ВЛ (ср.: XII, 73, 121), начинается повествование о противоборстве Москвы и Казани. Далее ЛС в изложении московско-казанских отношений полностью следует за НЛ вплоть до 1499 г., когда из Москвы были посланы пешие полки и судовая рать в поддержку казанскому «царю» Абдул-Латифу. Составители ЛС решили здесь дополнить краткое сообщение НЛ подробным перечнем воевод, заимствованным из ВЛ (ср.: XII, 250 и VIII, 237). Роспись войскового разряда из ВЛ дополнен в ЛС и рассказ о походе Дмитрия Ивановича (брата Василия III) на Казань в 1506 г. (ср.: XII, 2—3 и VIII, 246). Поход не был успешным, и в ЛС появляются заимствованные из ВЛ строки: «И князь Дмитрий Ивановичъ и съ воеводами великаго князя вскоре побегоша отъ Казани къ Новугороду, никимже гоними... и людей многихъ истеряше», тогда как, по НЛ, «Дмитрей Ивановичъ и съ воеводами великаго князя поиде отъ Казани къ Новугороду». Как мы видим, в изложении фактической стороны событий 1114—1520 гг. ЛС немногим отличается от НЛ. Разнятся, пусть незначительно, оценки происшедшего, его трактовка. За пределами же НЛ лежат события, связанные с окончательным присоединением Казани к Российскому государству в 1552 г. Однако и в ЛС не сразу был определен окончательный текст этого фрагмента. Во всяком случае, в первом варианте ЛС переворот в Казани «царевны» Ковгоршад и последовавшее затем снятие опалы с Ших-Али (Шигалей) в 1535 г. описаны без каких-либо подробностей на л. 9 об. и 10 об. С. Во втором же варианте (л. 116 об., 117 об.—130 об. Ц⁷⁹) рассказано о получении в Москве известий о перевороте, о прибытии гонцов от «князей и мирзъ съ пят-

⁷⁹ См.: Морозов В. В. Об источниках Царственной книги. . . С. 76—77.

сотъ», которые обещали и впредь «государю служити великому князю прямо», если «будетъ Шигалей (находившийся в опале на Белоозере. — В. М.) . . . на Москве» с тем, чтобы «царю крымскому въ Казани не быти». Прибывший в Москву Ших-Али был торжественно встречен младенцем — великим князем — и его матерью Еленой Глинской.⁸⁰ Незадачливый бывший казанский «царь» бил челом великому князю «за свою проступку» (XIII, 424—427) и позднее вновь дважды сажался «на Казань» (XIII, 447, 470).

Вместе с тем Казань после 1499 г. показана в ЛС объектом противоборства Москвы и Крыма, ставленники которых, сменяя один другого, сидели на ее престоле. Но победить в этом споре окончательно суждено было тем, на кого всевышний «милость свою излиялъ» (XIII, 514). Последняя попытка крымского хана Девлет-Гирея, предпринятая летом 1552 г., воспрепятствовать «новопросвещению» Казани провалилась (XIII, 519).

Не смогли в Крыму противодействовать и присоединению Астрахани. В ЛС буднично отмечена посылка воевод (XIII, 236) и само взятие города: «Князь Юрьи Ивановичъ Проньской съ товарищи Астраханское царство и городъ взяли» (XIII, 242). И нет в ЛС ни малейшего намека на то, что Казанское и Астраханское «царства» были порождением и своеобразными преемниками страшного когда-то врага — Золотой Орды.

А ведь еще в 1446 г. Улу-Махмед и его сын Мамутяк великого князя пожаловали, «утвердивъ его крестным целованиемъ, что дати ему за себя окупъ» (XII, 66). Горестным рефреном заканчивались известия о приходе ордынцев на Русь: «. . .полону же толико выведено бысть во Орду многое множество, яко и счесть невозможно есть» (XI, 81). Из года в год и через много лет после Мамаева побоища повторяются фразы о русских князьях, возвратившихся из Орды: «. . .пожаловани отъ царя . . . своею ихъ отчиною» (XI, 219). Однако к концу XV в. в восприятии Орды произошел коренной перелом. Рассказывая о событиях 1480 г. в Повести о пришествии Ахмата на Угру, НЛ называет сторонников отхода русских войск (советуют великому князю Ивану III: «. . .пойде прочь, не можешъ съ ними стати на бой») «сребролюбцами», «предателями христианства» (XII, 202). Сходна их оценка и в ЛС: «Своего живота падяще, земли же Русстей предатели», «безсерменомъ поноровники» (XII, 203). Но в ЛС извлекается исторический опыт из прошлого Руси: лишь сопротивление врагу является залогом сохранения независимости страны. Примерами для многих государств, «еже глаголются Болгари, и Сербы, и Грецы, и Трапезонъ, и Аморея, и Арбонасы, и Хорваты, и Босиа, и Манкукъ, и Кафа», должна стать Русская земля, сбросившая иго («избави богъ Русскую землю отъ поганныхъ татаръ»). «Сынове русстии» поднялись сохранить «свое отечество», те же, кто «не стаща мужьствене и погибоша и отечество изгубиша, и землю, и государство», достойны презрения (XII, 202).

Позднее ЛС еще отмечает столкновения крымского и ордынского «царей», заимствуя эти известия из ВЛ (ср.: XII, 217 и VIII, 216) или НЛ (XII, 228), пока под 1502 г. «крымский царь Менли-Гирей побилъ Шиахмета, царя Болшия орды, и Орду взялъ» (XII, 256). Еще позднее в ЛС встречаются лишь «ордынские казаки».

Главным противником на Востоке для Российского государства становится Крымское «царство». Приходу крымцев к Москве посвящены две повести, вошедшие в состав ЛС. Первая — о нашествии на Москву Мухаммед-Гирея в 1521 г. — заменила краткое сообщение ВЛ (ср.: XIII, 37—43; VIII, 269 и XXI, 598—599, 603). Заимствованная из Степенной книги, она объясняет внезапный отход крымского войска чудесным виде-

⁸⁰ Рассказ Ц о приеме Шигалея в Москве, подробно и с большим знанием придворного церемониала иллюстрированный, позволил С. П. Баргенову с достаточной достоверностью реконструировать один из важнейших этикетных обычаев великокняжеского двора. См.: Баргенов С. П. Московский Кремль в старину и теперь. М., 1916. Кн. 2: Государев двор. Дом Рюриковичей. С. 173, 175, 213—219.

нием «бесчисленного множества рускаго воинства». Вторая — о приходе Саип-Гирея на Оку в 1541 г. — вошла в ЛС дважды: в первом варианте (л. 46—84 об. С; XIII, 99—114) и во втором (л. 176—215 об. Ц; XIII, 433—438). Не вдаваясь в подробности анализа обоих вариантов, отметим лишь, что заслугу победы автор повести отдает «русских сыновъ храбрости», умелому руководству воевод и их инициативности (XIII, 110 и 437). Можно, пожалуй, выделить из состава ЛС и Повесть о приходе Девлет-Гирея к Рязани в 1565 г. (л. 563—581 об. С).

«Дикое поле», «Поле» — необжитые пространства, разделявшие Крымское «царство» и «украины» Российского государства, делали их границы достаточно устойчивыми. Но в ЛС намеренно (иначе нельзя сказать) создается впечатление о напряженности южной границы. Она как бы таит в себе зародыш взрыва. Действительно, почти ежегодно в Москву приходили гонцы из Крыма, осуществлялся обмен посольствами, грамотами, и одновременно столь же регулярно русские «украины» подвергались набегам крымцев (XIII, 142, 143, 233, 234, 256—258, 305, 314, 315, 318, 321, 341, 342, 387—389, 399). В Москве также не упускали случая отправить воевод на Дон или Днепр, а то и к Перекопу (XIII, 256, 271, 272, 281, 288, 296, 315, 316, 318—320, 339, 341). Но если набеги крымцев трактовались в ЛС как преступление «правды» (XIII, 387), то посылка воевод на юг объяснялась «бережением» государева «дела» (XIII, 316). К тому же составители ЛС отмечают определенную несамостоятельность поступков крымского «царя», действующего «по салтанову велению турьского» (XIII, 384). Южная граница чревата опасностью, Иван Грозный совершает по ней в апреле—мае 1566 г. своеобразную инспекционную поездку: «... ездилъ государь въ украинные города отъ крымские стороны» (XIII, 402), но не она определяет интересы государства. Даже отражая набеги крымцев, обязаны были воеводы «людей не изволочити для литовского дела» (XIII, 342). Так определяли приоритеты внешнеполитических интересов составители ЛС.

Подобное осмысление прошлого, несомненно, должно было отразиться и на изложении материала, посвященного далекому прошлому. Впервые литва (как народ) появляется в ЛС под 1131 г. (IX, 157), однако до конца первой четверти XIII в. какие-либо изменения в текст НЛ не привносились. Начало им положило известие о приходе литвы к Новгороду в 1225 г., где рассказ НЛ заменен версией ВЛ (ср.: X, 93 и VII, 133). Суть изменений сводится к следующему: большими показаны успехи князя Ярослава Всеволодовича, который выступил в защиту Новгорода, «сжалився вельми о християнехъ»; литва названа «поганой».⁸¹ Следующая вставка из ВЛ относится уже к 1380 г. В ней рассказывается о бегстве Ягайлы «съ великою скоростию» от предполагаемого места встречи с Мамаем сразу же по получении вестей об исходе Куликовской битвы (ср.: XI, 66 и VIII, 40). Спустя шесть лет, как повествует текст ЛС следом за ВЛ, Ягайло совершает новое преступление: чтобы «досталось ему королевство», «еде женитися въ Лятцкую землю . . . и тамо крестися въ римскую веру». Изменив православие, Ягайло «повеле крестити литву въ немецкую веру», предавая «многимъ мукамъ и смерти» противников «римской веры» (XI, 90 и VIII, 51).

Далее, вплоть до 1520 г. (до конца летописи митрополита Даниила), текст ЛС аналогичен тексту НЛ за исключением трех вставок, вносящих дополнительные сведения, которые были заимствованы из ВЛ (ср.: XI, 91—92 и VIII, 51—52; XIII, 21—22, 34 и VIII, 257—258, 268). С 1520 г. (с л. 940 списка Оболенского) НЛ сходна до 1542 г. с текстом ВЛ (и вторична по отношению к нему). В этой части ЛС нет каких-либо ярких проявлений антилитовской направленности, однако посылка воевод

⁸¹ «Поганой» названа литва и в Слове о житии и представлении Дмитрия Донского, заимствованном в ЛС из ВЛ (ср.: XI, 120 и VIII, 59).

в 1535 г. «литовские земли воевати за королеву неправду» обосновывается и необходимостью «христианство отъ насилия боронити» (XIII, 421).

Позднее, в изложении событий Ливонской войны, вновь воеводы посылаются «на отступниковъ крестиянския веры на безбожную Литву» (XIII, 347). Отсюда — непримиримость ревнителей «истинной» веры с бывшими «погаными», ставшими «безбожниками». Да к тому же «писал король ко царю и великому князю въ своей грамоте, вскладывая неправду на царя и великого князя, да и о ливонской земле писалъ, что за ней стоять хочеть, а называлъ ливонскую землю своею землею» (XIII, 340) (курсив мой. — В. М.).

Здесь камень преткновения русско-литовских отношений и основная причина сложившейся интерпретации в изложении их на страницах ЛС. Ведь российские «самодержцы» (по крайней мере Иван Грозный) считали Ливонию своей «вотчиной» (XIII, 346).⁸² И учреждая печать «Вифляндской земли», Иван Грозный помещает в лапы двуглавого орла (герб Российского государства) «герб печать маистра ливоньского» и «герб печать юриевского бискупа». Этой печатью юрьевский воевода был обязан «грамоты перемирные съ свейскимъ королемъ печатати» (XIII, 396).

Тем самым шведский король по-прежнему мог «ссылаться» лишь с наместниками «царя и великого князя». Годом ранее, в 1535 г., шведские послы просили «миръ бы и доброе соседство со царемъ и великимъ княземъ держати, а не съ ноугороцкими наместники». Однако Иван Грозный ответил «браннымъ» и «подсмеятельнымъ» отказом, мотивируя тем, что он, «царь», от шведского короля Ирика (Эрих XIV) «отстоить, якоже небо отъ земли» (XIII, 396). Здесь находят развитие те представления о месте «царя и великого князя» в ряду иноземных государей, которые были сформулированы еще в НЛ.

В 1563 г. Иван Грозный подписал пропускную грамоту до Москвы плененному полоцкому воеводе Станиславу Довойне, содержавшую «царские заповеди слово», обращенное к «нашие вотчины» подданным (она сохранилась в Александро-Невской летописи), в числе которых названы казанские, астраханские, черкесские, ногайские и крымские князья, мордва, черемиса, чуваша, татары, башкиры, немцы, литва, латыши, чухна (XIII, 364; XXIX, 318).

Государи, собравшие «под свою руку» столь значительное число разных народов, почитают себя на самой высокой ступени светских (и церковных) иерархов. Поэтому и «жалует» Иван Грозный «маистра и всю землю ливонскую» в 1554 г. (XIII, 240), а десятью годами позднее «за ихъ неправду пленити велель» (XIII, 346). Поэтому и посылает Иван Грозный «полотцкие поминки, жеребцы литовские въ седлехъ литовскихъ . . . да полотцкого же полону послалъ королевскихъ дворянь» (XIII, 366) крымскому «царю» как свидетельство и подтверждение своего величия.

Обращаясь к ретроспективе, выявить изменения в оценке составителями ЛС (в сравнении с НЛ) места российских «самодержцев» по отношению к другим государям сложно, так как подобного рода включений непосредственно в текст НЛ нет. Поэтому рассмотрим более поздние известия. За 50—60-е гг. XVI в. в ЛС отмечена служба у Ивана Грозного «на государьском жаловании» уже нескольких «царей»: Шигалея, Дербыш-Алея, Утемиш-Гирея (Александр), Едигер-Магмета (Симеон Касаевич) и др. Да и сам Иван IV писал крымскому «царю», «что дружбы у царя

⁸² Корни представления о Лифляндии как «вотчине» великого князя основываются на том, что «чюдь повоева и победи . . . и постави градъ Юрьевъ» Ярослав Мудрый в 1030 г. (IX, 79). Лишь через два века Юрьев был захвачен «немцами» и вошел в состав земель духовно-рыцарского Ливонского ордена. По ЛС, в 1560 г. А. Адашев и И. Висковатый говорили послам литовского короля, что «ливонская земля изначяла государей нашихъ данщики, отъ великого князя Ярослава Володимировича и по се время» (XIII, 324). Еще позднее, в 1566 г., отмечая поставление новых городов под Полоцком, составители ЛС в каждом случае подчеркивают: «на вотчине его» (XIII, 405, 406, 408). т. е. Ивана Грозного.

не выкупаль» (XIII, 240). Здесь очевидна прямая связь престижа «царя и великого князя» с государственным престижем, их отождествление. «Покупать дружбу» «самодержец» у вассала турецкого султана не мог. Напомним, что Кафа была названа в ЛС в ряду стран, потерявших свою независимость: «Того же лета (1475 г. — *В. М.*) туркове взяша Кафу . . . и посадиша . . . Менли-Гиреа» (XII, 158), хотя составители ЛС подчеркивают существовавшие прежде мирные отношения, «дружбу и братство», заимствуя подобные характеристики для оценки взаимоотношений крымского «царя» и московских великих князей на рубеже XV—XVI вв. (XIII, 6). Иван Грозный не раз выступал на страницах ЛС покровителем иноземных государей: сибирского, просившего, «чтобы государь ихъ князя и всю землю Сибирскую взял» (XIII, 248); ливонского, «а хочеть онъ доставити прусские земли» (XIII, 346); датского, которого он «пожаловаль, отъ любви его отъ своея не отставиль» (XIII, 318); шемахинского «царя», обещавшего служить, как «ему царь и великий князь себе велить служити» (XIII, 371).

Возрастание престижа «царя и великого князя» не могло не привести к пересмотру отражения взаимоотношений государя и его подданных. Как уже отмечалось, под 1514 г. в НЛ рассказано о попытке князя Михаила Глинского «бежати» от великого князя Василия III в Литву, расцененной как «измена» (XIII, 24). Составители ЛС дополнили рассказ НЛ: «Глинскаго оковавъ, послалъ (великий князь. — *В. М.*) на Москву и велелъ его заточити» (ср.: XIII, 24 и VIII, 257). Более поздние попытки — князей Семена Бельского в 1534 г. (VIII, 79, 420), Семена Лобанова-Ростовского в 1554 г. (XIII, 237), Д. Вишневецкого в 1563 г. (XIII, 343), Андрея Курбского в 1564 г. (XIII, 383) — характеризуются идентично. И всегда известия о них сопровождаются сообщениями о следствии по «изменным делам».⁸³

Тема «измены» в ЛС тесно связана с обличением «недоброхотства». Обращаясь к периоду малолетства Ивана Грозного, составители ЛС приложили немало усилий, чтобы показать, как бояре в корыстных интересах то «въ литовскую землю не пошли вопреки велению великого князя» (XIII, 424), то ссорили государя с его ближайшими родственниками, «навадиша на князя Ондreja великому князю, а князю Ондрею (дяде Ивана Грозного. — *В. М.*) сказаща на великого князя» (XIII, 428), то организовывали «без государьскаго веления» (XIII, 432, 444) междоусобицы, кончавшиеся ссылками противников, грабежами и убийствами, то приводили на русскую землю войска ее злейших врагов: крымского «царя», как Бельский (XIII, 433), или литовского короля, как Андрей Курбский (XIII, 388, 390). Составители ЛС сетовали: «И многие промежъ ихъ бяше вражды о корыстехъ и о племянехъ ихъ, всякъ своимъ печется, а не государьскимъ, не земскимъ» (XIII, 432). Вот и приходится «царю и великому князю» едва ли не ежегодно пресекать крамолу княжат и бояр. «Спротивство» бояр простиралось, как утверждают составители ЛС, до попыток «дръжати великое государьство Российскаго царствия», т. е. до претензий на престол (XIII, 420), «безчиния», прямых угроз и насилия великому князю (XIII, 440, 444), «бесчестия» митрополиту (XIII, 439). Бояре же совершают злостнейшее преступление: они становятся между царем и народом, поднимая простой люд, «чернь» («а безъ науку сему быти не мощно») на «царя и великого князя» и близких ему людей (XIII, 448—449, 455—457). «Въ боярехъ смута и мятежъ», резюмирует редактор ЛС, стали причиной бедственного состояния страны времени правления Ивана IV: «. . . а царству почала быти во всемъ скудость» (XIII, 526).

⁸³ О нравственной стороне взаимоотношений феодала и сюзерена см.: Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 45—47.

Здесь составители ЛС явно противопоставляют род российских «самодержцев» и корыстолюбивое боярство. Если рассмотреть вставки ВЛ в текст НЛ, то обращает внимание большая группа известий о строительстве, обновлении и освящении соборов, принесении в них «мощей» и «святых», создании пантеонов великих князей и митрополитов. Род российских «самодержцев» показан тем самым заступником за свое «стадо паствы» (XIII, 226), за «русьской дръжавы цветущее благочестие» (XII, 43).

Итак, мы рассмотрели некоторые основные аспекты концепции исторического прошлого Российского государства в НЛ и ЛС. Конечно, содержание летописи далеко не исчерпано. Вероятно, можно внести какие-то уточнения, дополнить конкретными наблюдениями лишь слегка намеченные положения, что послужит более полному изучению одного из интереснейших памятников отечественной средневековой культуры — Лицевого летописного свода XVI в. В перспективе же остается исследование русского летописания XVI в. в его историческом развитии: Никоновская летопись — Воскресенская летопись — Летописец начала царства — Лицевой летописный свод.